

Л. В. БОНДАРКО, Л. А. ВЕРБИЦКАЯ, М. В. ГОРДИНА,
Л. Р. ЗИНДЕР, В. Б. КАСЕВИЧ

СТИЛИ ПРОИЗНОШЕНИЯ И ТИПЫ ПРОИЗНЕСЕНИЯ

Понятие стиля произношения реально занимает в фонетике периферийное место, несмотря на то, что этого вопроса касаются в той или иной степени многие авторы¹. Различение произносительных стилей признается существенным для теории и практики преподавания языка, однако и для этой цели в большинстве случаев отсутствуют разработанные рекомендации.

Считается, что противопоставление «полного» и «разговорного» стилей, введенное в обиход Л. В. Щербой еще в 1915 г.², находится в том же ряду, что и различение стилей торжественного, ораторского, официального, фамильярного и т. п. Щербовская классификация рассматривается лишь как более обобщенная.

Повод для этого был дан самим Щербой. Во-первых, употребив термин «стиль», он сам провоцировал слишком широкое и даже неверное истолкование рассматриваемого им явления. Во-вторых, в некоторых высказываниях он прямо включал свои стили в стили речи вообще, как, например, в следующих строках: «Разные формы речи, приспособленные к разным социальным условиям, называются стилями речи. Разные стили отличаются друг от друга не только лексически и синтаксически, но и фонетически. В соответствии с большим разнообразием социальных условий речи можно различать множество стилей. Мы будем различать для простоты всего два»³.

Наряду с этим, у Щербы можно найти и иные высказывания. Так, в одной из последних работ, опубликованной посмертно, мы находим существенно отличающуюся от приведенной формулировку: «Совершенно очевидно, — читаем мы, — что тут возможно бесконечное число переходных ступеней, начиная от абсолютной ясности и четкости (например, при произношении по слогам) до небрежной скороговорки, когда все неударные слоги наполовину съедаются. Практически достаточно различать два типа произношения, которые назовем один — полным стилем, а другой — разговорным»⁴. Здесь, как мы видим, речь идет уже только о четкости и нечеткости произношения, однако поскольку термин «стиль» все же

¹ См., например: Р. И. А в а н е с о в, Русское литературное произношение, М., 1972; Р. R. L é o n, Essais de phonostylistique, «Studia Phonetica», IV, Montréal, 1971; М. S h a r i r o, Russian phonetic variants and phonostylistics, Berkeley — Los Angeles, 1968; в последней работе вводится различие между «стилем» и «кодом», близкое различению стиля произношения и типа произнесения.

² Л. В. Щ е р б а, О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов, в кн.: Л. В. Щ е р б а, Изб. работы по русскому языку, М., 1957, стр. 21. В этой статье нет еще терминов «полный» и «разговорный», но само противопоставление сформулировано вполне отчетливо.

³ Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, Л. — М., 1937, стр. 19.

⁴ Л. В. Щ е р б а, Теория русского письма, в кн.: Л. В. Щ е р б а, Избр. работы по русскому языку, стр. 154.

сохранился, возникала и возникает возможность смешения явлений, по природе своей существенно различных.

Целесообразно, очевидно, терминологически разграничить эти два понимания «стиля произношения», закрепив данный термин лишь за общей фонетической характеристикой высказывания. Для детальной же фонетической характеристики элементов речи, вплоть до характеристики сегментов фонемной протяженности, можно было бы предложить термин «тип произнесения»⁵.

Сколько же существует типов произнесения и как они различаются? Л. В. Щерба различал два стиля произношения (в нашей терминологии — типа произнесения): полный и разговорный или, лучше сказать, «неполный». Дихотомичность этой классификации имеет принципиальный характер: она вытекает из того, что критерием различения полного и неполного типов произнесения должно служить не то или иное качество фонетического исполнения, не та или иная степень его совершенства, а возможность фонемной интерпретации соответствующего отрезка речи: о полном типе произнесения следует говорить тогда, когда данный отрезок получает вполне определенную фонемную интерпретацию. Если же однозначная фонемная интерпретация невозможна, то перед нами неполный тип.

Например, слово *часы* может быть произнесено так, что будет неясно, звучит ли в первом слоге аллофон фонем /i/, /e/ или /a/. Не подлежит в то же время сомнению, что данное слово можно произнести и так, чтобы указанная неоднозначность исключалась; это может быть объективно установлено артикуляторно-акустическим анализом и, что особенно важно, восприятием этого слова носителями русского языка. В первом случае мы будем иметь дело с неполным типом произнесения, во втором — с полным.

Таким образом, критерием определения полного типа является однозначное распознавание фонемного состава соответствующего отрезка речи, а это в свою очередь обеспечивается сохранением в произнесении основных фонетических характеристик (применительно к такому случаю Щерба употреблял термин «идеальный фонетический состав»). Полный тип произнесения позволяет всегда установить фонемный состав данного отрезка речи (значит, и всегда повторить услышанное). Напротив, при неполном типе для этого требуется наличие соответствующего контекста или ситуации.

Из этого следует, что ни одно высказывание не может принадлежать целиком и полностью к неполному типу (за исключением, вероятно, реплик, полностью предсказуемых контекстуально и ситуативно). Иначе говоря, полный тип обязательно должен характеризовать произнесение по крайней мере некоторых частей любого высказывания. Если бы это не было так, если бы все сегменты высказывания одновременно допускали множественность интерпретации, восприятию не на что было бы опереться в понимании текста.

В то же время даже поверхностные наблюдения над связной речью свидетельствуют, что далеко не все ее сегменты реализуются как принадлежащие к полному типу произнесения. В этой связи уместно вспомнить следующие слова Щербы из статьи «О разных стилях произношения»: «Звуковая сторона слова, которая казалась всегда такой ясной, непреложной, которая представлялась определенным ядром более или менее расплывчатых семасиологических представлений, оказывается, таким образом,

⁵ Термины «произношение» и «произнесение» не равнозначны: первый обозначает нечто постоянное для данного индивида или коллектива, второй характеризует отдельный акт говорения, рассматриваемый с чисто звуковой стороны.

сама не менее расплывчатой и неопределенной»⁶. Аналогичное высказывание принадлежит Р. Якобсону и М. Халле, которые пишут: «Поскольку во многих случаях функциональная нагрузка фонемы для слушателя оказывается в действительности сниженной, говорящий в свою очередь освобождается от необходимости в точности соблюдать все звуковые различия; ... Звуковой облик речи может быть не менее эллиптическим, чем ее синтаксическое построение»⁷.

Таким образом, речевая цепь обычно неоднородна. Она образуется сегментами полного типа произнесения, которые в восприятии однозначно ассоциируются с определенными фонемами (или последовательностями фонем) и сегментами неполного типа. Неполный тип произнесения допускает много градаций с точки зрения объективного качества сегментов, может происходить и полное выпадение какого-нибудь из них. Возникающая в таких случаях фонетическая неопределенность может характеризоваться разной степенью выраженности и может быть устранена либо в результате расширения контекста, либо в результате сужения круга возможных решений (например, при отсутствии слов с близким фонемным составом).

Объективная неоднородность речевой цепи (выраженная в определенных пределах) практически не влияет на восприятие речи. Не только восприятие сегментов полного типа, но и восприятие сегментов, характеризующихся неполным типом произнесения, остается в общем случае категориальным, а не основанным на законах вероятностной логики; в результате устанавливается вполне определенная, соответствующая данной значимой единице последовательность фонем. Более того: произносительная неоднородность речевой цепи нормально даже не фиксируется сознанием. Следовательно, с функциональной точки зрения такая речевая цепь должна считаться однородной.

Объективная неоднородность речевой цепи проявляется (если рассматривать ее с точки зрения восприятия), очевидно, не в конечном результате анализирующей деятельности человека, а в методах принятия им решений. Сегменты, произнесенные с использованием полного типа, могут опознаваться благодаря их объективным характеристикам, решение же относительно сегментов неполного типа принимается в результате иных процедур, основанных не только (иногда не столько) на анализе фонетической картины, но и на учете грамматических, смысловых и прочих связей, вплоть до экстралингвистических.

Таким образом, восприятие речи даже в самом узком смысле, т. е. как установление фонемного состава высказывания, никак не может считаться относящимся только к фонологическому аспекту. Строго говоря, последний ведает распознаванием только того, что принадлежит к полному типу произнесения. В случае же неполного типа идентификация определенной языковой единицы не только не является результатом установления ее фонемного состава, но, напротив, достаточно часто установление фонемного состава есть лишь побочный продукт опознавания данной единицы благодаря контекстной избыточности.

Сказанное отнюдь не противопоставлению произносительных типов. Непременным остается тот факт, что должен существовать некий минимум речевых отрезков, фонемный состав которых не нуждается в дополнительной информации для своей идентификации. В такой, например, ситуации, когда вводится слово, безусловно неизвестное слушающим, различие типов произнесения выступает особенно наглядно:

⁶ Л. В. Щ е р б а, Избр. работы по русскому языку, стр. 21.

⁷ Р. Я к о б с о н, М. Х а л л е, Фонология и ее отношение к фонетике, «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 234.

в этом случае абсолютно необходимо использование полного типа при произнесении корневого элемента со словообразующими аффиксами, в то время как произнесение предсказуемых из контекста формообразующих аффиксов не требует этого.

В нормальном случае при наличии контекста распознавание сегментов полного типа также может происходить при действии внефонетических факторов, так что фонетический, грамматический и семантический анализ воспринимаемого отрезка речи проходит параллельно.

Реальность существования разных процедур восприятия фонетических последовательностей можно считать достаточно очевидной. Несмотря на однородность результатов этих разных процедур, фонологична лишь процедура восприятия сегментов полного типа, основывающаяся на использовании собственно фонетической информации; если же, например, автоматически восстанавливается благодаря смысловым факторам полностью отсутствующий в произнесении сегмент, то это не имеет отношения к фонологическим процедурам и в этом смысле к фонологии.

Релевантную фонетическую информацию несет не только соответствующий сегмент и его непосредственное окружение. Важную роль играет просодическая модель слога, слова, синтагмы и т. д. Для русского языка — в первую очередь, естественно, для гласных — существенно положение сегмента относительно ударения. В экспериментах Л. В. Бондарко и Л. А. Вербицкой⁸ было обнаружено, что, например, последний гласный слова *няня*, будучи изолирован, устойчиво воспринимается аудиторией как /i/. Однако в составе слова этот же гласный столь же устойчиво опознавался как /a/ (и это нельзя было отнести на счет доминирования основной, словарной формы — поскольку слово *няни* воспринималось с /i/). Было бы, однако, преждевременным на основании изложенного считать, что критерий устойчивой опознаваемости может оказаться неэффективным. Описанные экспериментальные данные можно объяснить следующим образом. Для принятия решения о фонемной принадлежности гласного в русском языке человек должен использовать информацию о просодической модели слова; соответствующие правила квалифицируют звук не только на основании измерения определенных акустических параметров, но также на основании знания о корреляции этих параметров с местом сегмента относительно ударения. При изолировании гласного, как это имело место в эксперименте, информация о его безударности снималась, что и обусловило расхождение в восприятии.

Однозначное восприятие, следовательно, свидетельствует о присутствии полного типа произнесения лишь в том случае, когда обеспечены условия использования релевантной фонетической информации. При этом релевантной фонетической информацией следует считать такие характеристики речевой цепи, о которых известно, что они используются носителями языка для фонемной идентификации. Так, правила коартикуляции и редукции, безусловно, должны считаться такой релевантной фонетической информацией, ибо без их учета не может быть обеспечено ни порождение, ни распознавание фонетического облика слова.

Само по себе однозначное восприятие еще не говорит о том, что мы непременно имеем дело с отрезком речи, характеризующимся полным типом произнесения, поскольку такое восприятие весьма часто обеспечивается использованием внефонетической информации. Это можно утверждать только тогда, когда снята возможность обращения к внефонетической информации — фактически тогда, когда высказывание лишено смысла

⁸ См.: Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, О фонетических характеристиках заударных флексий в современном русском языке, ВЯ, 1973, 1.

(или — уже — когда смысловая интерпретация высказывания возможна только после установления его полного фонемного состава).

С практической точки зрения это говорит о том, что наиболее надежным материалом для исследования фонетических коррелятов фонологических единиц являются бессмысленные фонологические «слова», т. е. «слова», лишенные смысла, но построенные по фонотактическим правилам данного языка. Можно представить себе такую схему подготовки экспериментального материала: составляются фонологические слова (синтагмы, предложения), которые предъявляются для воспроизведения диктору; для того чтобы убедиться в том, что диктор произнес экспериментальный материал, используя полный тип, звучащая запись произнесения предъявляется аудиторам; уже после этого можно приступить к исследованию объективной фонетической картины, будучи уверенным, что в материале отсутствуют сегменты, фонемная отнесенность которых реально не поддается точному определению.

Все это отнюдь не означает, что не следует стремиться к выяснению картины, действительной для связной спонтанной речи. Необходимо лишь учитывать, что в ней значительный процент речевой цепи представлен сегментами неполного типа, точная квалификация которых с фонологической точки зрения не осуществима⁹. С одной стороны, это значит, что исследование таких сегментов не дает информации об инвариантных характеристиках фонем в системе; с другой стороны, если мы обладаем такой информацией, то, получив данные о параметрах конкретных сегментов неполного типа произнесения речевой цепи, мы не сможем привести эти две группы данных во взаимно-однозначное соответствие.

Разумеется, нельзя не учитывать большой вариативности характеристик фонем в системе, в связи с чем может возникнуть необходимость в достаточно сложных операциях над речевой цепью для идентификации фонем, имеющих большое «поле рассеивания» своих характеристик. Иначе говоря, отсутствие простых правил идентификации еще не говорит о ее принципиальной невозможности. Это приводит к мысли о необходимости сложных исследовательских операций над речевой цепью для определения «поля рассеивания» характеристик фонем.

Из всего сказанного ясно, что понятие типа произнесения имеет капитальное значение для методики определения фонемного состава как языка в целом, так и отдельных языковых единиц. Практически в фонологии это понятие полностью исключается; считается, что нужно опираться на связную спонтанную речь, особенно при выявлении состава фонем слов и морфем. Однако Л. В. Щерба еще в 1915 г. связывал фонемный анализ с «идеальным фонетическим составом слов», а Р. Якобсон и М. Халле писали: «Небрежное произношение является лишь сокращенным производным вариантом полной, отчетливой формы речи, которая несет наибольшее количество информации. При анализе системы фонем и различительных признаков, которые их составляют, нужно исходить из наиболее полного кода, который имеется в распоряжении говорящих на данном языке»¹⁰.

Как же можно представить себе соотношение фонологических данных, полученных на основании анализа преимущественно искусственного материала, и нормальной речи? Будем исходить из того, что некоторая часть сегментов любого высказывания должна обязательно реализоваться в полном типе произнесения. Тогда можно было бы установить, какой процент и каких именно сегментов должен произноситься таким образом, чтобы высказывание однозначно интерпретировалось с фонологи-

⁹ Проблема автоматического распознавания речи, как явствует из изложенного, является значительно более сложной, чем она обычно представляется.

¹⁰ Р. Я к о б с о н, М. Х а л л е, указ. соч., стр. 234—235.

ческой точки зрения, т. е. отождествлялось с определенными языковыми единицами.

Кроме того, целесообразно изучать степень допустимой деформации сегментов неполного типа произнесения в некоторых данных условиях. Степень такой деформации может сильно варьировать: от звука, фонетически промежуточного по отношению к парадигматической ближайшей фонеме, до полного выпадения звука. Очевидно, что процент сегментов полного типа и степень деформации сегментов неполного типа определенным образом коррелируют.

Точно так же можно устанавливать характеристику произношения отдельных носителей языка.

Варьирование доли и качества сегментов полного и неполного типа в тексте диктуется не только задачей обеспечения взаимопонимания, но связано также с условиями общения, которые определяют функциональный стиль произношения. Каждый такой стиль находит свое выражение и в фонетических характеристиках — в частности и в особенности в относительной доле сегментов полного и неполного типов произнесения, а также, возможно, в их особом качестве и в распределении их в синтаксической ткани высказывания.

Большая или меньшая выявленность соответствующих характеристик могла бы свидетельствовать об отнесенности данного высказывания к тому или иному стилю. Можно было бы установить некую шкалу, которая позволяла бы определять, что высказывание, содержащее такой-то процент сегментов полного типа, есть высказывание, например, разговорного стиля, высказывание же с иным удельным весом такого рода сегментов следует отнести к какому-либо иному функциональному стилю, «выше» или «ниже» разговорного. Тем самым фоностистика получила бы в свое распоряжение некоторый инструмент для объективного различения функциональных стилей.

Распределение сегментов полного и неполного типов произнесения в речевой цепи, очевидно, подчиняется определенным закономерностям. Не касаясь экспрессивных и т. п. задач, которым принадлежит известная роль в выборе произносительного типа, нужно, прежде всего, указать на естественную связь сегментов полного типа с сильной позицией: как правило, полный тип произнесения отличает, прежде всего, ударный слог. Напротив, количественная и качественная редукция, характерные для слабых позиций, создают условия для реализации неполного типа. Это, впрочем, не означает того, что редуцированный звук обязательно является элементом неполного типа произнесения. Так, в русской речи предупредительный гласный [u], несмотря на свою относительную краткость и некоторую качественную редукцию, может сохранять однозначную фонемную отнесенность.

Более полное изучение вопроса о соотношении в речи разных по произносительному типу сегментов позволило бы выяснить своего рода «скелетную схему» слова, на которой базируется восприятие. Здесь усматривается возможность интерпретировать известное понятие общего облика слова также и с точки зрения его *ц е л ь н о с т и*. Известно, что фонетическую цельность слову в языках, обладающих ударением, сообщает именно ударение, которое выполняет, прежде всего, кульминативную и объединяющую функции. Выделенность ударного слога создает и *е р а р х и ч н о с т ь* фонетической структуры слова, которая в свою очередь обеспечивает более экономное восприятие. Строго последовательное, «посегментное» восприятие было бы, очевидно, менее экономным (даже при одновременном использовании внефонетической информации), чем своего рода *уровневое* восприятие, которое ориентируется на некоторые опорные

точки. К таким «опорным точкам» относятся, можно думать, не только ударный слог, но и ритмическая структура слова в целом, а также начальный слог слова (это объясняет достаточно последовательную большую интенсивность начального гласного). В этом же плане можно рассматривать и информационную неравнозначность гласных и согласных.

Для уточнения понятия типа произнесения важно иметь в виду, что полный тип, в котором реализуется идеальный фонетический облик языковой единицы, никак не связан с орфоэпической нормой. Слово *семь*, например, может быть произнесено двояко при сохранении полного типа: с твердым и с мягким согласным на конце (/s'em/ и /s'em'/); какое из этих произношений считать правильным — это вопрос нормы, орфоэпии. Точно так же и слово *памятник* может произноситься с разным вторым гласным (/pam'itn'ik/, /pam'etn'ik/), /pam'atn'ik/), и какое бы из этих трех произношений ни считать орфоэпическим, оно будет осуществляться по полному типу, если идентификация этого гласного как /i/, /e/, или /a/ не вызывает сомнений.

В подобных случаях речь идет о вариативности, которая наблюдается в фонемном составе тех или иных слов. Такая вариативность и побуждает устанавливать соответствующие орфоэпические нормы.

Даже и такой случай, как *Сан Саныч*, при полной реализации всех фонем с несомненностью следует относить к полному произносительному типу. Неполным он окажется только тогда, когда по объективным фонетическим данным невозможно будет определить, какая фонема была произнесена после /п/ в *Саныч*: /ы/, /e/ или /a/.

В заключение следует вернуться к вопросу о преподавании иноязычного произношения. Конечной задачей обучения, разумеется, должно быть усвоение обоих произносительных типов в их взаимодействии. Однако поскольку прежде всего следует овладеть фонемными отношениями, обнаруживаемыми в речевых единицах изучаемого языка, начинать надо с полного типа — тем более, что переход к неполному типу может быть сформулирован в определенных правилах, но не наоборот.